Всегда

Rating:	Explicit
Archive Warning:	Creator Chose Not To Use Archive Warnings
Category:	F/M
Fandoms:	The Grisha Trilogy - Leigh Bardugo, Shadow and Bone (TV)
Relationships:	Алина Старкова/Александр Морозов, Алина Старкова/Дарклинг, The Darkling | Aleksander Morozova/Alina Starkov
Characters:	Алина Старкова, Александр Морозов, Дарклинг, Alina Starkov, The Darkling | Aleksander Morozova
Additional Tags:	Plot What Plot/Porn Without Plot, Pregnancy, Breeding Kink, just raw dogging all over the palace my apologies to the servants, Power Play, Power Imbalance, Dom/sub, Choking, Breathplay, Orgasm Delay/Denial, Orgasm Control, Creampie, Alternate Universe - Arranged Marriage, mal who, Перевод на русский | Translation in Russian, Don't copy to another site
Language:	Русский
Stats:	Published: 2021-05-11 Words: 4,531 Chapters: 1/1

Всегда

by Tersie

Summary

Когда Александр Морозов изложил ей свое предложение, Алина быстро осознала — он вовсе не шутит.

Notes

See the end of the work for notes

- A translation of Vsegda, Always by vuas

— *Наследника*?

Алина поперхнулась, расплескав чай на один из своих самых любимых халатов. С горящими щеками и тщанием она попыталась исправить оплошность салфетками, делая вид, что не замечает задумчивого взгляда Александра, брошенного на нее поверх газеты, которую он читал за завтраком.

— Договор о мире…

Алина фыркнула, в очередной раз пробормотав под нос свое особо ценное мнение о безоговорочной капитуляции Фьерды.

— …будет подписан на следующей неделе. Нам предстоят долгие часы ожидания, надобно их чем-нибудь заполнить.

— То есть, ты предлагаешь трахаться, — лаконично подытожила она.

— Ради наследника, чье появление стабилизирует обстановку в стране. Да.

— И только ради него? — Алина выгнула бровь. — В таком случае…

— Разумеется, — отчеканил он, перебивая ее с непривычной для себя раздраженной ноткой, — не только ради наследника. Само собой.

— Ясно.

— Да.

— Интересно.

— Значит, договорились.

Алина нахмурилась, размазывая желток по тарелке, как по глупой иронии, соответствующей ситуации.

— Я этого не говорила. То есть, ты предлагаешь завести ребенка за чаем и вишневыми пирожными, но даже в глаза мне не смотришь.

Газетный лист — пестрящий заголовками о блестящем дипломатическом успехе, прекращении приграничных стычек и мощи славной армии Равки — опустился до уровня его переносицы. В серых глазах читался оттенок веселья, но было что-то еще. Смутная тоска?..

— А что здесь обсуждать? — Он откинулся на спинку кресла, разминая затекшую шею. Подозрительная непринужденность.

Алина подняла вилку — насколько давался грозный вид в этот ранний час, когда не пробило даже девять — собственно, главной причине, отчего он решил ошарашить ее

этим сейчас, за завтраком. На сытый желудок и не спросонья она бросалась в бой куда решительней.

— Ребенок? Какой в этом смысл, если живешь вечно? Я не собираюсь влезать в подобную авантюру из-за… из-за того, что тебе приспичило состряпать очередную интригу.

Неудовольствие отчетливо заволокло его черты. Александр свернул газету и резко встал — фарфоровый гарнитур на столе жалобно звякнул.

— Сколь многое ты предпочитаешь видеть под другим углом, Алина, — вздохнул он, безобидно дотронувшись концом газеты до ее макушки.

Не успела она запротестовать, как муж широким шагом удалился из комнаты, а вместе с ним и тени, увлекаемые им, как прилив.

***

Для ясности — не секс служил камнем преткновения.

Должно признаться, Алина осталась довольна теми прецедентами, когда он навещал ее спальню… кабинет или библиотеку. Даже тот раз, когда они повздорили в конюшне, и он завалил ее на сеновале, после чего у нее все руки были в занозах — не жаловалась, под конец даже не помнила, почему так разозлилась.

Но… эти случаи больше напоминали случайности — плоды скопившегося напряжения и неразрешимых конфликтов. И то эти оказии легко считались по пальцам. Алина повторяла себе, накидывая ночную рубашку перед сном, что они ничего не значат, эти отголоски притяжения от ментальной связи между ними. Ведь они раздражали его не меньше — если судить по тому, как он избегал ее днями напролет после каждой такой неотвратимой случайности.

Минуло несколько лет их совместного правления, и при взгляде на его красивое надменное лицо кто-нибудь обязательно удивился бы, что ей хватило сил продержаться так долго. Другая Алина в другой вселенной в полном упоении наслаждалась им каждую ночь.

Но не эта — за ней не числилось подобных грехов, за исключением парочки редких прегрешений. Алина восседала на своем троне и решительно не замечала, как один вид его длинных бледных пальцев заставлял ее сердце трепетать, как у загнанного кролика.

С того самого завтрака он больше не поднимал эту тему — идею о наследнике, пока однажды, покидая приемный зал, Александр не повел ее под руку мимо толпы придворных. Наклонившись, он вдруг прошептал, почти касаясь губами ее уха:

— Думаю, ей нравится твоя корона.

Алина заморгала и проследила за его взглядом — туда, где толпились просители, пришедшие этим утром (еще одна выцарапанная из него уступка). Они почтительно

склоняли голову при приближении правителей в драгоценных кефтах.

Среди них была женщина с ребенком. Малышка пускала слюни в шарф матери, не сводя круглых глазок с Алины, и протягивала пухлую ручонку к венцу на ее голове, завороженная блеском жемчужин на свету.

Малышка улыбнулась беззубой улыбкой и испустила восторженный лепет, когда Алина подошла ближе. Проплаченные актеры, подумала она угрюмо, не возражая, когда Александр дернул ее обратно.

Маленькая изменница.

***

Алина помнила, как свесившись с перил величественного имения князя, допытывалась у Аны Куи, откуда берутся дети и получила особенно чувствительный шлепок пониже спины. «Они берутся от любви, — погрозила пальцем женщина. — Благословление святых для мужа и жены».

Интересно, возможно ли это для них? Алина думала, тайком поглядывая за Александром, расслабившимся в кресле за шахматной доской — другая, помасштабней, вырисовывалась в ее мыслях. Уже дважды в этом месяце она была близка к победе в их вечернем спарринге, и сегодня обещала добавиться третья. Брови мужа слегка насупились, он изучал свои пешки. Теперь его уловки читались проще — однажды, не сомневалась Алина, она обязательно его одолеет.

Впрочем, подозревала, что он вовсе не будет против.

Поэтому на мгновение она позволила себе слабину, допустила запретную мысль: представила его с их ребенком, мужа и благословление, как рассказала Ана Куя. Любящего отца их детей. Читающего взволнованным малышам сказки на ночь, чтобы они не боялись темноты.

(Надобно признать, в Равке случались и более странные вещи).

***

Не прошло и месяца, как в Малом дворце Алина наткнулась на кое-что совершенно немыслимое.

Дети — самые маленькие из гришей, стайкой, едва способной заполнить класс — с шумом выбежали за Александром во двор, как утята, цепляясь за его длинные ноги в надежде привлечь внимание. Звонкие голоса повторяли нараспев: еще, еще!

Остановившись спиной к ней, Александр запустил игривые завитки теней — они принялись гоняться за хохочущими мальчишками и девчонками, загоняя их в сугробы. Дети спотыкались, толкались с дикими взрывами смеха, пока не перешли в наступление, кидая снежки в возвышавшуюся над ними фигуру в черном плаще.

Плечи Дарклинга дрожали от смеха. Алина не думала о его бархатистом глубоком звучании, о том, как от него сжимало грудь и как тянуло за невидимую струну, вплетенную в самую ее душу.

Не смотрела, как снежок попал кому-то из малышей в плечо, и тот начал плакать. Не смотрела, как Александр прекратил сражение и присел в снег, отряхивая мальчика и уверяя, что с ним полный порядок. Даже потрепал по волосам.

Она вернулась в Большой дворец, не думая, не думая, не думая…

***

— Что, если они не будут гришами?

Александр перестал размешивать сахар в чае — на его лице застыло привычное пустое выражение. Как будто он ждал именно этого самого вопроса, и Алине вдруг стало не по себе.

— Они. Будут, — медленно ответил он, акцентируя каждое слово, будто глупо даже предполагать такую возмутительную вещь.

— Ты не можешь этого знать.

— Они будут, как мы.

— Александр.

— Алина.

В наступившую долгую паузу никто из них не произнес ни слова.

Но впервые он сдался раньше, чем она.

— Они будут гришами, — повторил Александр с убежденностью того, кто познал сердце мира. — И ради них я сровняю с землей целые королевства, как ради тебя, милая. Это я могу тебе обещать.

***

Заморское шампанское приятно щекотало язык. Алина не помнила, сколько пропустила бокалов, как не могла вспомнить в какой именно момент начала прихватывать край его кефты, желая оказаться поближе к знакомому теплу его тела. Если Александр и удивился, когда посреди бального зала она очутилась у него под боком, то не подал виду. Его ладонь заботливо легла ей на поясницу, умиротворяюще поглаживая по мере того, как продолжался разговор с керченскими послами. Более того, в его голосе появился приятный бархатистый тембр, который — подумать только! — легко можно было принять за удовлетворение.

После целого дня политики и неотложных дел Алина устала. Хотелось свернуться калачиком в кровати посреди царства подушек, пахнущих дубом и зимним снегом, и

слушать его голос, звучащий для нее одной. Наверное, шампанское виновато в том, что внутри заворочалось что-то, сильно напоминавшее алчность: та, у кого было все, корона и трон, жаждала получить больше.

— Прошу меня извинить, — Александр наклонил голову, вырывая Алину из задумчивости. — Мне нужно побеседовать с женой.

От слова «жена», слетевшего с его губ, в животе запорхали бабочки, и она позволила увести себя в уединенный уголок за одной из мраморных колонн. Мир вокруг стал на оттенок темнее — его сила незаметно пошевелилась, как дремлющий зверь, скрывая их от толпы.

— Что-нибудь не так? — осведомился он, склоняя голову, будто не замечал ее поведения. — Хочешь, чтобы я отвел тебя в покои?

Алина покачала головой, сдержав улыбку от его непреднамеренной двусмысленности. Не мог же он догадаться… Не мог подумать, что пролетевшие полвечера она провела, воображая его густые смоляные волосы, щекочущие ей бедра, пока не сообразила, что промокла насквозь. Да, перспектива переместиться в спальню манила сильнее с каждой секундой.

Но было кое-что еще. Блистательное королевство, которое он построил для нее и их еще не родившегося ребенка. Для всех гришей. Сделка, заключенная в часовне, была выполнена: одна в целом мире Алина держала в узде самые темные части его души, пока он правил на троне. И кажется, получалось не так уж плохо — две головы царского орла незыблемо бдели за Равкой.

И теперь Александр обещал ей семью — то, чего, как она думала когда-то, у нее не было и быть не могло…

— Я тут раздумывала на досуге, — приподнявшись на носки, она коснулась губами его щеки. Дарклинг замер как изваяние, под ее ладонью сильно и часто бился его пульс. — О ребенке.

— О ребенке… — эхом повторил он.

— И решила, что ты прав, — Алина потянула его за кефту, заставляя наклониться ниже, опасно близко к грани неприличия. — Думаю, это пойдет на пользу нам обоим. И Равке. Я могу попросить об одолжении кого-нибудь из тех симпатичных фьерданских солдат, которых разместили в казармах. У них такие широкие плечи, загляденье, не находишь? Служанки только и болтают.

Перемена была слишком резкой.

— Что?

— Ну, разве что ребенок родится с голубыми глазами, могут возникнуть вопросы. Но ничего такого, с чем не справится портной.

Его спина напряглась так, что Алина испугалась, как бы она не переломилась пополам.

— Александр! — с наигранным удивлением воскликнула она, стряхивая с его лацкана невидимую пушинку. — Что тебя расстроило? Я никогда не утверждала, что это будет твой…

Алина не успела закончить фразу, схваченная за кефту, как нашкодивший котенок за шкирку. Дарклинг буквально выволок ее из зала через боковую дверь, взбешенное существо чистой ярости, тени угрожающе бесновались у его ног.

— Ты хочешь ребенка! — прошипел он, впечатав ее спиной в захлопнувшуюся дверь, за которой продолжался шумный бал. Навевало воспоминания о другом Зимнем празднике, когда она была моложе и наивнее, но изменилось ли что-нибудь между ними с тех пор?

Александр нависал над ней, уперев руки по обе стороны от ее головы. Необъятное и беспощадное ночное небо.

— Если ты хочешь ребенка, он будет *моим*, поняла?

Она не успела ответить достаточно быстро — ее вздернуло за ошейник, оленья кость уперлась в горло, принуждая вытянуться на носках. В тускло освещенном пустом зале в его глазах сверкал гнев.

— Я сказал, *ты все поняла*?

— Да-а… — прохрипела Алина, его пальцы стали бережней, но не разжались, оставляя ее в ловушке у двери.

— Хорошо. Теперь повернись.

— Алек…

Он сжал ее за челюсть, рывком притягивая для поцелуя. Что-то таяло внутри, растекаясь от затылка до колен, когда его щетина царапнула нежную кожу на подбородке, пока он с чувством побуждал ее открыть рот. Ей пришлось — чтобы вдохнуть воздуха, держась за его кефту.

— Повернись, — повторил он, на дюйм оторвавшись от ее губ, и сорвал с ее волос корону, небрежно бросив драгоценность на пол. — Придется вытрахать эту паршивку из моей маленькой женушки.

Вздрагивая, Алина развернулась лицом к двери — неприкрытая угроза пронзила ее насквозь, неотвратимость раскаленной иглой сцепила их намертво. Кажется, ее кефту они принялись задирать одновременно, Александр стащил с нее штаны и толчком колена расставил ее ноги шире.

— Я собирался отыметь тебя в постели, — прорычал он за шорохом собственной одежды, пока Алина ждала, уткнувшись взглядом в стену и слушая громкий стук

собственного сердца. — Заставить тебя кончать, пока ты не взмолишься о пощаде. Но ведь ты этого не заслуживаешь, верно?

Прикусив язык, она замотала головой. Не могла вспомнить, когда видела его настолько сходящим с ума от желания и собственнической одержимости.

— А может, хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь? И отправил обратно к гостям, чтобы ты чувствовала, как мое семя вытекает из тебя? Хочешь, чтобы все узнали: заклинательница Солнца готова раздвинуть ноги по моему щелчку?

«Тебе бы очень этого хотелось», — мысленно ответила Алина, предусмотрительно держа рот на замке. Ее ногти заскользили по двери, когда его пальцы обнаружили, насколько она мокрая. Александр зацокал языком. Холодный металл кольца-печатки коснулся клитора, пальцы проникли внутрь, растягивая, возбуждая, заставляя ее…

Широкая ладонь зажала ей рот, не давая вырваться стону

— Без этого, Алина, — промурлыкал он, целуя ее в висок. — Получишь свое после того, как я закончу с тобой.

В следующее мгновение она охнула — он вбился в нее без особой сдержанности, но вскрик замолк в его ладони. Тело обожгло, неготовое приспособиться к внезапному вторжению. Она пыталась увильнуть, но он незамысловато продолжал вталкиваться глубже. С глухим стуком Александр пригвоздил ее к двери — его сжатая в кулак рука уперлась рядом с ее головой, костяшки пальцев побелели.

— Моя… — С приглушенным стоном он уткнулся лбом в ее плечо. — Никто, Алиночка… Никто не прикоснется к тебе, кроме меня.

— Да… — ответила она умоляющим шепотом, поджимая пальцы ног от шелка его голоса. — Да, твоя, Саша. Пожалуйста, двигайся, святых ради…

— Ты выносишь мне наследника, — он куснул ее за горло, встрепенувшийся вздох Алины получился до смущения громким. — Подаришь его мне, чтобы все знали, кому ты принадлежишь.

— Святые!.. — чертыхнулась она, сглатывая ком в горле. Ужасно, как низкий тембр его голоса заставлял слова казаться магией более греховной, чем *мерзость*. Если бы она не знала его лучше…

Но не осталось времени гадать о его чувствах — о том, что он пытался донести до нее за годы, не находя нужных слов в этом давным давно позабытом для себя языке. Сейчас он прижимал ее к двери, задавая темп, обещавшийся свести с ума, и Алина замерла на носках, всхлипывая, требуя больше. Она теряла голову и бесстыдно хотела получить свое.

Клубившиеся у ног тени закрутились вокруг ее лодыжек, не давая сдвинуть ноги, когда колени начали дрожать от силы, с которой ее вбивало в дверь с каждым его толчком. Александр не унимался, очевидно, вознамерившись использовать ее всю, без остатка.

— Сейчас я кончу, — Неистовый шепот обжег ее висок. — И ты примешь это с должным почтением.

— Пожалуйста… — пролепетала Алина, чувствуя, как внизу живота скапливается жар. В такие моменты от нее оставалось лишь жалкое подобие, готовое на что угодно, лишь бы он пообещал делать с ней это до конца вечности…

Кулак стукнул по двери, над ухом раздался сдавленный стон, и Александр навалился на нее, отяжелевший и расслабившийся. Его зубы впились ей в плечо, прямо над старой раной. Алине хотелось бы верить, что не нарочно.

— Ты чувствуешь меня? Здесь? — Он углубился рукой между ее бедер, и она ахнула, едва его пальцы медленно, томительно медленно обвели клитор. — Полагаю, маленькая поблажка не повредит, раз сегодня ты вела себя так любезно.

Алина закивала, чувствуя, как намокли ресницы. Над ней разнесся раскатистый смешок.

— П-почти!.. — простонала она, уткнувшись лбом в дверь. — Пожалуйста… Я была хорошей. Я сделала все, ч-что ты сказал.

— И?

Ошейник плотно впился в шею.

— Я позволю. Я дам его тебе.

— Ребенка, — услужливо подсказал Александр, пальцы задвигались решительней, удерживая ее на самой грани.

— М-м… да-а…

— Хорошо. Повтори, о чем я прошу, и тогда я разрешу тебе кончить.

Алина с трудом подавила желание садануть его по ноге.

— Я дам тебе ребенка, Саша! — выдавила она, под ее ладонями заискрился свет. Довольный рокот в его груди стал ей ответом, ментальная связь ожила в новом приливе силы.

— Моя маленькая женушка, — с нескрываемым наслаждением протянул Александр. — Давай, Алиночка, еще немного. Ах, вот и оно. Так и должно быть.

Он ласкал ее взмокшую плоть именно там, где и как ей отчаянно хотелось — тело сладко сжалось от снисходительных комплиментов, медом капающих с его уст. Уступать в такие моменты давалось поразительно легко, чувствуя еще не остывшее семя внутри. Испустив утомленный стон, Алина сотряслась от долгожданного оргазма, и ее плечи облегченно опустились.

— Я провожу тебя в твои комнаты, — сообщил Александр, когда они оба немного перевели дыхание. И враз зашипели, когда член выскользнул из нее, оставляя тело опустошенным.

— Что? — все еще дрожа, Алина рассеянно подняла голову. — А ты куда собрался?

Дарклинг пробормотал что-то, подозрительно похожее на «убить каждого фьерданца в городе», и помог ей поправить одежду. Голоса по ту сторону дверей становились громче. Стоило поспешить, пока кто-нибудь не вздумал вломиться в этот зал.

— У меня остались кое-какие вопросы, которые нужно обсудить с послом до его утреннего отъезда.

— Верно, — шмыгнула носом Алина, приглаживая волосы и проверяя шпильки. В нижнее белье ощутимо стекало что-то вязкое, вызывая мурашки по коже. — Ну что ж. Думаю, скоро узнаем, сработало ли.

Это заставило его замереть.

— Прошу прощения?

— Соглашение. Ради ребенка. Мы же вроде сделали все, что требуется, насколько я понимаю суть процесса.

Оторопь, овладевшая его лицом, была бесценной — Алина чудом не засмеялась, прикусив щеку почти до крови.

— По правде говоря, — хладнокровно начал он, явно уязвленный в самое сердце мужской гордости, — нам необходимо попробовать несколько раз. Дабы удостовериться в результате.

— О?

— Да, — кратко подтвердил он, сузив глаза.

— Хм, — задумчиво оглядела его Алина. — Что-то ты подозрительно много знаешь о детях. И о том, как их делать.

— Верно, и обычно речь идет о существенно меньшем количестве ненужных разговоров, — муж снял пылинку с плеча ее кефты, уклоняясь от подразумевавшегося вопроса. — Идем.

Он, конечно, напустил на себя недовольный вид, но Алина видела, как мило порозовели в темноте его уши.

***

Александр превратился в настоящего — за неимением лучшего слова — дикаря.

Никогда прежде Алина не видела его настолько отвлеченным от дел во имя славной империи, что не могла провести и пары часов, чтобы не наткнуться на него за каким-нибудь углом или в коридоре. Ее встречало неизменно невинное выражение его лица, как бы удивленно восклицавшее: «О, я тебя не заметил. Ну раз мы оба свободны, почему бы нам не заняться обоюдным исполнением супружеских обязанностей?» До того, как учтиво (или не очень) затащить ее в ближайшую пустующую комнату.

Сегодня это был его кабинет: он откинулся на спинку своего роскошного кресла, а Алина жадно раскачивалась на нем верхом.

— Мы опоздаем на собрание триумвирата!.. — простонала она, опускаясь на член. От ощущений, распиравших тело, срывало крышу. Они только обострились, когда он прижал ладонь к ее животу, проводя рукой вниз, чтобы лучше прочувствовать себя внутри нее.

— М-м… Приподнимись, детка.

— Там все еще… — с раскрасневшимися щеками Алина крепко зажмурилась.
— После прошлого…

— Я знаю, — Александр уверенно руководил движением ее тела. Он мог показаться скучающим, если бы не многообещающая недобрая усмешка на его губах. Его голос опустился на несколько октав: — Но не могу же я бросить неудовлетворенной мою маленькую изнемогающую женушку?

Она со всей силы сжала его плечи, впиваясь ногтями в прочную материю кефты. И лихорадочно всхлипнула, когда член вновь притиснулся к самому чувствительному ее местечку — задыхаясь от страстного нетерпения, Алина запрокинула голову, двигаясь быстрее, торопясь наконец-то получить свое.

— Глаза на меня, — схватил ее за волосы Александр. Выполнив приказ, она встретила знакомый самодовольный взгляд, тот самый, который заставлял ее забыть собственное имя.

— Только полюбуйся, какой ты умеешь быть послушной, — напел он, вызывая в ее сердце слишком неуютную радость от похвалы. Ему всегда не хватало такта заткнуть рот в такие моменты, и Алина ненавидела себя за то, как сильно ей это нравилось.
— Моя женушка так жаждет забеременеть, что готова прыгнуть на мой член в любой момент. Выполнить любую мою прихоть.

Она сглотнула, сподобившись кое-как кивнуть. Александр помогал ей подстроиться под жесткий темп, сводя с ума трением влажной кожи о кожу, переворачивая ее мир с ног на голову.

— Отвечай, Алина, — Его ладонь крепко припечатала ее ягодицу.

— Да! — выдохнула Алина, сдвинув брови и стараясь усердней в погоне за восхитительной гранью боли и наслаждения. Говорить давалось с превеликим трудом,

когда всякий раз он всаживал ей до предела, буквально выбивая воздух из легких. — Д-да, я хочу… Я хочу ребенка, Саша! Д-дай мне…

— Попроси вежливо, — он притянул ее за талию ближе, голос звучал хрипло, на грани рыка. Толчки стали резче, грубее, а разрядка все ближе и ближе. — Умоляй меня… Вспомни про манеры, солнышко.

— Пожалуйста! — пискнула она, беспомощная как кукла на его коленях. Алина льнула к нему, охваченная щемящей сладостью от чувства, что ее так бесстыдно используют. — Пожалуйста, Саша, я хочу ребенка, хочу твоего ребенка! — несуразно лепетала она, зарывшись пальцами в его густую шевелюру. — Пожалуйста, кончи, дай мне его, пожалуйста, *пожалуйста*!..

Из его горла донесся сдавленный звук, руки стиснули ее талию до боли — Алина едва могла вдохнуть, чувствуя, как член задергался внутри, заполняя ее липким влажным жаром.

— Не смей, — все еще тяжело дыша, приказал он, едва она пошевелилась, сделав попытку слезть с его колен. — Не смей двигаться.

— Но…

— Надо было зашвырнуть тебя в постель, — с сожалением пробормотал Александр и, подхватив ее под задницу, плавно поднялся на ноги. Алина вскрикнула от неожиданности, но в следующее мгновение оказалась на столе — муж толкнул ее на спину и медленно выскользнул из нее, задирая ее бедра выше.

Что-то вязкое и горячее просочилось из ее опустевшего лона. Алина вздрогнула — реальность всех тех грязных вещей, слетавших с ее языка, навалилась на нее заново. Застонав, она потерла глаза, захваченная врасплох жгучим стыдом. Только не смотреть на него… не смотреть...

О-о.

Густые волосы Александра пощекотали нежную кожу ее раздвинутых бедер.

— Ты, — Без лишних прелюдий его умелый язык обвел клитор. — Навела беспорядок.

Его пальцы беззастенчиво собрали то, что вытекло из нее наружу, и запихнули обратно…

— Не нужно… — открыла рот Алина, пытаясь сохранить связными мысли. Это представлялось невозможной задачей, когда он приникал к ней ртом, с нежностью посасывая истомившуюся плоть. — Не нужно так делать.

Сквозь пальцы она видела, как он вскинул на нее глаза. Блестящие. Слишком по-человечески блестящие.

— Пойдет на пользу дела, если ты кончишь, — сжато объяснил он, и Алина осознала, что у него заплетается язык. О, все святые, что она с ним творила? — Я читал об этом.

— О.

Александр довольно мурлыкнул ей в кожу, вызвав дрожь по всему телу — ее колени дернулись, сжимая его голову.

— Чтобы ты забеременела.

Теперь трепет пробежал по ее плечам.

— Никогда не думала, что в нашей… в нашей библиотеке есть такие книги, — удивленно заговорила она, качнув бедрами, когда два его пальца втолкнулись в нее снова.

— Они есть в моей частной коллекции.

— Александр…

— Там сказано, — продолжил он, сгибая их, и Алина зашипела, когда кольцо-печатка холодком коснулось ее разгоряченной плоти. — Оттрахай жену до беспамятства, наводни ее семенем и заткни пальцами, не давая пролиться ни капле. Доведи жену до оргазма, чтобы семя упало в благодатную почву. Тебе бы этого хотелось, милая?

Этот шелковистый опасный голос обрел былую твердость в считанные мгновения. Пусть это был чистый яд, она уже утонула в нем безвозвратно.

Кажется, с собранием придется повременить.

***

Временами Алина удивлялась, как супруг умудряется спать так мало. Пребывая в благодушном расположении духа, он дразнил ее на сей счет, когда она с растрепанными волосами вылезала из постели, осведомляясь, хорошо ли она отдохнула? В армии, как и в приюте спать всласть считалось невозможной роскошью. Но зачем становиться королевой, если нельзя пускать слюни в одну из многочисленных подушек до самого колокольчика на завтрак?

Александр, напротив, благоденствовал в своей рутине: вставал до рассвета (если вообще спал), чтобы спокойно проехаться верхом по влажной от росы земле, заняться бумажной работой или своими книгами.

Но в последнее время пошатнулся даже устоявшийся порядок вещей.

Алина все еще уютно грелась под одеялом, когда матрас просел, и знакомая твердость жаркого тела обволокла ее со спины. Нежные поцелуи начались с затылка — довольно застонав, Алина не сразу сообразила, что это не сон.

Сначала ее перевернуло на живот, а потом под бедра подсунуло подушку. Смена позы приятно ощущалась в пояснице, поэтому Алина устроилась поудобнее, вжимаясь щекой в мягкий хлопок наволочки. Так уютно… Тепло, темно, мягко и умиротворяюще

спокойно. Не мешало даже постороннее присутствие за спиной, чьи-то руки, раздвигающие ее колени.

Смутно она понимала, что ее ночная рубашка сползает на талию, что чужие пальцы бережно убирают распущенные волосы с ее щеки. Но это был ее муж, во всей своей искренней правоте прикосновений к ее коже. Связь между ними ожила, задрожала, подобно натянутой струне, чью мелодию она выучила наизусть.

— Тише, — Александр устроился над ней. — Можешь спать, милая. Мне нужно всего лишь…

Алина заскулила, вздрогнула, когда без излишних церемоний он втолкнулся внутрь — тело со сна не сразу приспособилось к его размеру.

Но вскоре неловкость прошла, и она просто вздыхала в подушку, чувствуя, как глубоко входит его член. Бессильная, кроме как лежать под ним, все еще мокрая с того раза, как он взял ее прошлой ночью.

— Молодец, — выдохнул он с мягким толчком. Шеи коснулось чужое дыхание, мурашки охватили ее всю под оленьим ошейником. — Ты у меня хорошая девочка, правда?

В ее душе всегда жила та виноватая, тайная частичка, которая по-детски наивно мечтала угодить ему, ведь он так преуспевал в игре в господство. И, возможно, это было не столь ужасно — позволить ему властвовать над *ней*, а не над царством пепла.

— Будь послушной, — он пригвоздил ее запястья к постели, не успела она пошевелиться. — Я не говорил тебе двигаться.

— Я…

Два его пальца вошли ей в рот, легко пресекая любые протесты.

— Или говорить, — добавил он, по-хозяйски возобновляя толчки. — Ты ведь слушала меня, дорогая?

Его пальцы надавили на язык, и Алина сумела издать лишь беспомощное бульканье.

— От тебя ведь ничего не требуется, правда? Моя маленькая женушка, ставшая королевой. Только это, — он сопроводил слова резким движением тела, засаживая ей глубже, прижимая их друг к другу вплотную. — Принадлежать мне. Отдаться мне. Подарить мне столько детей, сколько я захочу.

Сонное сознание Алины ухватило последнее откровение — она растерянно кивнула. Ребенок. Ребенок Александра. Он собирался… как это называли в армии? *Обрюхатить ее*.

— Лучше любого ошейника! — простонал он, наматывая на кулак ее серебряную косу. И навалился на нее, выдавливая последний воздух из легких, Алина всхлипнула в подушку, его пальцы широко растягивали ей рот.

— Я заделаю тебе ребенка, Алиночка. Наполню тебя под завязку, — выдыхал он ей в ухо, вызывая постыдные всхлипы. — И ты выносишь моего наследника. Как суждено. Только для меня, согласна, дорогая?

Она стиснула его член, сильно — шея загорелась, румянец охватил щеки. Александр перехватил ее грубее, но это тоже было знакомо. Глухим голосом предупредив лежать смирно, он излился в нее, много и бурно. Пятная ее изнутри, сминая до полной разрухи.

И, по-видимому, отдавая себе какой-то отчет, чтобы не расплющить ее полностью, скатился вбок, сел на край матраса и провел рукой по влажным от пота волосам. Сквозь занавески проникал свет, начинало светать и близилось время завтрака. Алина зевнула, наклонилась, чтобы приподняться…

И приглушенно взвизгнула, когда ее вжало обратно в подушки.

— Я не говорил тебе двигаться, — повторил он, уткнувшись носом в ее плечо и оставляя поцелуй на старых шрамах. Ошейник под его рукой потянул ее ниже.

— Александр… — Рот слегка сводило, как будто она все еще чувствовала его призрачные пальцы на языке.

— Ты останешься здесь, — его горячее дыхание обожгло ей затылок. — И когда я вернусь, будешь ждать меня попкой вверх, как положено доброй женушке.

Если честно, Алина никогда не возражала против хорошего предлога поспать подольше.

***

(На следующий день, распластанная на столе в комнате военного совета, она мельком задумалась: сколько еще времени ему понадобится, чтобы заметить — в этой части больше нет нужды. Просто сопоставив даты или заметив ее участившиеся визиты в палаты целителей за микстурой от тошноты.

Но, размышляла Алина по ходу дела, он, вероятно, станет *совершенно* невыносимым, как только она объявит, что беременна.

Так что, объявление могло подождать. Кроме того, он был так занят).

***

Наступила первая ночь зимы, за высокими окнами кружились снежинки. Алина проснулась от странного звука и приподнялась из-под теплых одеял. В эти дни ночные побудки были не редкостью — ее маленький сын не обращал внимания на положенные часы сна, но ее разбудил не плач голодного Паши.

Это был Александр — стоял у колыбели, держа на руках непоседливого ребенка. Волосы смяты ото сна, глаза затуманены — он напевал колыбельную. Алина не

поверила своим ушам, узнав слова, полузабытые слова из поблекших воспоминаний о безликих родителях.

«*Пусть всегда будет солнце*».

Одним пальцем, с превеликой бережностью он погладил краешек уха маленького мальчика. Лицо Александра скрывали тени, но во взгляде светилась невыразимая нежность, словно он пытался запомнить припухлость щеки своего сына. Чтобы носить с собой эту память до конца своей долгой-долгой жизни.

«*Пусть всегда будет мама*».

Старый равкианский язык. Акцент, грубее в окончаниях, странно протяжный на гласных. В мыслях Алины предстал другой маленький мальчик, доверчиво цеплявшийся за юбку матери. Он слушал песенку, которую запомнит навсегда.

«*Пусть всегда буду я*».

На губах Алины расцвела улыбка. Пользуясь моментом, она перебралась на его все еще нагретую половину, беззастенчиво похищая все тепло себе.

***

Это была не простая любовь, но кое-что, нисколько не меньшее.

А нечто гораздо большее.

По прошествии прожитых лет Алина научилась быть алчной.

End Notes

A translation of Vsegda, Always by vuas.